

Столь радикальная смена ориентации, крушение одного из столпов всей философии молодежного бунта 60-х годов указывает на какую-то глубинную и очень быстро ставшую явной несостоятельность того идеала «любви», под знаком которого в значительной мере разворачивались движения протеста.

Почти религиозное обожествление биологического, чувственного начала сочеталось здесь с требованием полного освобождения индивида из-под контроля действующих нравственных норм как «буржуазных и лицемерных». Декларировалось — и обосновывалось в многочисленных теоретических трактатах, — что подобное освобождение явится первым и едва ли не самым важным шагом на пути к формированию нового, «революционного» сознания.

Однако на практике все это слишком часто вело не более чем к заурядному и вполне буржуазному аморализму, оскорбляющему человеческое достоинство. Не приходится удивляться, что подобное огульное отрицание нравственных норм, их грубое разрушение на более масштабном, социальном уровне обернулось тоской по твердым устоям и общезначимым ценностям, что и было весьма умело использовано неоконсервативной идеологией в целях укрепления капиталистической системы.